

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката М.

10.07.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Пашинского М.Л., Пономаревой Н.В., Семеняко М.Е. (участвовали очно), Морозова М.А., Передрука А.Д., Чангли А.И. (участвовали дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 10.07.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **М.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 06.05.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. послужила жалоба К.Е.О., поступившая в АП СПб 23.04.2024, в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 07.05.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 в действиях адвоката М. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;*
- п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре: *адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу;*
- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*

Нарушение выразилось в следующем.

Из жалобы К.Е.О. следует, что между ней и адвокатом М. было заключено соглашение «задним числом».

Квалифкомиссией установлено, что 13.02.2024 между К.Е.О. и адвокатом М. заключено соглашение № .

Предметом данного соглашения является «оказание юридической помощи К.Е.О. в качестве защитника при производстве по уголовному делу № на стадии предварительного следствия» (п. 1.1 соглашения).

Из ордера № от 09.02.2024 следует, что адвокату М. поручается с 09.02.2024 защита по уголовному делу К.Е.О. в СУ СК России по Волгоградской области, основанием выдачи ордера является соглашение.

При таких обстоятельствах Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что соглашение об оказании юридической помощи на защиту К.Е.О. должно было быть заключено 09.02.2024, а не 13.02.2024, что подтверждает доводы подателя жалобы о заключении соглашения с доверителем более поздней датой. На указанные обстоятельства, по мнению Квалифкомиссии, указывает и номер соглашения от 13.02.2024 – № , тогда как остальные соглашения имеют нумерацию, совпадающую с датами заключения соглашения (№ от 09.02.2024, № от 22.02.2024, № от 01.03.2024, № от 25.03.2024).

При установленных обстоятельствах, Квалифкомиссия пришла к заключению о наличии в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА, выразившихся в заключении соглашения об оказании юридической помощи на защиту К.Е.О. по уголовному делу более поздней датой, чем указано в соглашении.

Кроме того, в соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 в действиях адвоката М. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;*
- п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре: *адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю;*
- п. 6 ст. 25 Закона об адвокатуре: *вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.*

Нарушение выразилось в следующем.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что 25.03.2024 между К.Е.О. и адвокатом М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № .

Вознаграждение адвоката в размере 20 000 рублей было передано доверителем наличными денежными средствами.

В подтверждение получения вознаграждения адвокатом на соглашении сделана запись о получении указанных денежных средств, что не оспаривается адвокатом М.

Получив вознаграждение по соглашению, что подтверждено распиской, составленной самим адвокатом, у адвоката М. возникли обязательства перед доверителем по выдаче документа, подтверждающего оплату вознаграждения.

Вместе с тем адвокатом М. К.Е.О. не была выдана квитанция, подтверждающая приём наличных денежных средств в качестве оплаты вознаграждения, что является нарушением финансовой дисциплины и требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 в действиях адвоката М. также усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;*
- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*

Нарушение выразилось в следующем.

Как было указано выше, 25.03.2024 между К.Е.О. и адвокатом М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № .

В соответствии с условиями данного соглашения адвокат М. приняла к исполнению поручение доверителя об оказании квалифицированной юридической помощи К.Е.О. при составлении жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ на отказ в заявлении о преступлении по ст.ст. 133, 134, 135, 150 УК РФ в отношении П.Д.С. (п. 1.1 соглашения).

Вместе с тем материалы дисциплинарного производства не содержат сведения об исполнении адвокатом М. указанного поручения.

При таких обстоятельствах Квалифкомиссия пришла к выводу о нарушении адвокатом М. положений п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, п. 1 ст. 8 КПЭА, выразившемся в том, что адвокат М. не исполнила поручение доверителя по соглашению об оказании юридической помощи от 25.03.2024 № .

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 в действиях адвоката М. также усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- подп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре: *адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя;*
- п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре: *адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю;*
- п.п. 1-5 ст. 6 КПЭА: *доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката*

(адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации.

2. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени.

3. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

4. Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу.

5. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются на:

- факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей;*
- все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу;*
- сведения, полученные адвокатом от доверителей;*
- информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи;*
- содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных;*
- все адвокатское производство по делу;*
- условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем;*
- любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.*

Нарушение выразилось в следующем.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что 06.03.2024 в Telegram-канале (ссылка) стажёром адвоката М. Т.Д.Г. (регистрационный № в реестре стажеров АП СПб) опубликовано сообщение с текстом следующего содержания «срочный выход в эфир с связи с поступающими угрозами убийства!!! (ссылка)», также опубликованы скриншоты переписки адвоката М. с абонентом (номер).

Податель жалобы указывает, что приложенные скриншоты с угрозами адвокату и упоминанием его доверителя, а также опубликованное видео стажёром адвоката свидетельствуют о разглашении адвокатом М. адвокатской тайны, размещено без согласия доверителя в открытом доступе для неограниченного круга лиц.

Адвокат М. подтверждает, что скриншоты и запись эфира были опубликованы стажёром адвоката в его Telegram-канале и на платформе YouTube, однако утверждает, что на распространение указанных сведений было получено согласие доверителя.

В подтверждение доводов жалобы К.Е.О. приложены скриншоты переписки доверителя, из которых невозможно определить какие сведения были разглашены и в отношении какого доверителя поступают угрозы адвокату и доверителю.

В то же время, переходя по ссылке, указанной в сообщении (ссылка), открывается видеозапись, на которой адвокат М. совместно с Т.Д.Е. сообщают о поступающих в их адрес угрозах в связи с осуществлением адвокатом защиты несовершеннолетнего доверителя.

Квалифкомиссия указывает, что из видеозаписи следует, что «адвокат в своем выступлении ссылается, хотя и не называя ни имени, ни фамилии своего несовершеннолетнего доверителя, отмечает круг иных несовершеннолетних лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, детали уголовного дела, называет фамилию организатора преступлений П.Д.С.».

Данные обстоятельства, по мнению Квалифкомиссии, свидетельствуют о том, что эти сведения относятся к конфиденциальной информации по уголовному делу, одной из обвиняемых по которому является К.Е.О., и являются адвокатской тайной, принадлежащей доверителю.

Вместе с тем доказательств получения письменного согласия К.Е.О. на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, материалы дисциплинарного производства не содержат.

Оценивая действия адвоката, Квалифкомиссия констатирует, что адвокат М. в нарушение императивных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре без согласия доверителя, выраженного в письменной форме, разгласила адвокатскую тайну.

Наконец, Квалифкомиссией рассмотрены **и иные доводы** жалобы К.Е.О., которые сводятся к следующему.

Во-первых, К.Е.О. утверждает, что адвокатом не были исполнены также иные поручения доверителя по соглашениям об оказании юридической помощи.

Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что материалами дисциплинарного производства подтверждается исполнение поручений доверителя в части предмета соглашений:

- о составлении заявления о преступлении по ст. 133, 134, 135, 150 УК РФ в отношении П.Д.С.;

- об осуществлении защиты доверителя по уголовному делу на предварительном следствии;

- о представлении интересов К.Е.О. при производстве клинико-психологического исследования специалистом АНО «Санкт-Петербургский институт независимой экспертизы и оценки» Беловым В.Г.;

- о составлении заявления об угрозах и о предоставлении государственной защиты в СУ СК РФ по Волгоградской области и в 5 отдел полиции УМВД России по Фрунзенскому району Санкт-Петербурга.

Во-вторых, К.Е.О. указывает в жалобе на отказ адвоката М. заключить с ней соглашение на её защиту в суде и представлять 16.04.2024 интересы К.Е.О. при её опросе следователем ГСУ СК по Невскому району Санкт-Петербурга по поручению.

Квалифкомиссия считала, что поскольку уголовное дело рассматривается судом в другом субъекте Российской Федерации, что связано с переездами, невозможностью адвоката исполнять свои обязательства перед другими доверителями, адвокат М. имела право отказаться от заключения соглашения на защиту в суде первой инстанции.

Квалифкомиссия также отклонила ссылки К.Е.О. об отказе адвоката М. представлять её интересы при её опросе следователем ГСУ СК по Невскому району Санкт-Петербурга по поручению, поскольку адвокат не принимала такого поручения доверителя, соглашения об оказании юридической помощи не заключала, сведений о том, что данный допрос относится к уголовному делу, расследуемому СК по Волгоградской области, где защиту подателя жалобы осуществляет адвокат, материалы дела не содержат.

В-третьих, в оставшихся доводах о разглашении адвокатом адвокатской тайны бывшему мужу М.А.В., А.В., оскорблениях адвокатом доверителя, прослушивании телефонных разговоров доверителя, требованиях от доверителя дать показания, фамиллярных отношениях с доверителем, навязывании услуг, непредставлении материалов уголовного дела, Квалифкомиссия пришла к выводу об отсутствии сведений о нарушении адвокатом М. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 10.07.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание явились, дали свои пояснения, ответили на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Относительно доводов жалобы о невыполнении адвокатом требований о надлежащем оформлении договорных отношений с доверителем, выразившемся в несвоевременном оформлении соглашения, оформлении соглашений более поздней датой (постфактум), а также неоформлении соглашения.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается и адвокатом М. не оспаривается, что между ней и заявителем К.Е.О. заключено несколько соглашений, включая Соглашение об оказании юридической помощи № от 09.02.2024, в соответствии с условиями которого адвокат приняла к исполнению поручение доверителя об оказании квалифицированной юридической помощи К.Е.О. при составлении заявления о преступлении по ст. 133, 134, 135, 150 УК РФ в отношении П.Д.С. (п.1.1. Соглашения), и Соглашение об оказании юридической помощи № от 13.02.2024, в соответствии с условиями которого адвокат приняла к исполнению поручение доверителя об оказании квалифицированной юридической помощи К.Е.О. в качестве защитника при производстве по уголовному делу № на стадии предварительного следствия, находящемуся в производстве старшего следователя СО по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Волгоградской области Задоркина И.К. (п.п. 1.1 и 1.2.Соглашения).

09.02.2024 адвокатом М. выписан ордер № на бланке, согласно которому адвокату поручается с 09.02.2024 защита по уголовному делу К.Е.О. в СУ СК России по Волгоградской области, основанием выдачи ордера является соглашение.

Принимая во внимание, что соглашение от 09.02.2024 касается иного предмета (составление заявления о преступлении), а защита по уголовному делу поручена адвокату М. на основании соглашения от 13.02.2024, Квалифкомиссия правильно установила, что соглашение об оказании юридической помощи на защиту К.Е.О. должно было быть заключено 09.02.2024, а не 13.02.2024, что подтверждает доводы подателя жалобы о заключении соглашения с доверителем более поздней датой.

В соответствии с Решением «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований», утверждённым Советом АП СПб от 04.02.2020 (протокол № 1) с изменениями от 29.03.2021, обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката, неисполнение (ненадлежащее исполнение) этой обязанности является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Учитывая вышеизложенное, Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией и полагает, что, заключив соглашение более поздней датой, адвокат М. допустила нарушение законодательства, предписывающего соблюдать порядок оформления правоотношений с доверителями.

Соглашаясь с Квалифкомиссией в том, что адвокатом М. совершён дисциплинарный проступок, Совет АП СПб полагает необходимым квалифицировать её бездействие иным образом ввиду нижеследующего.

Квалифкомиссия усматривает в действиях (бездействии) адвоката М. нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, согласно которому адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством Российской Федерации средствами.

Суть допущенного адвокатом М. нарушения сводится к ненадлежащему исполнению профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось в ненадлежащем оформлении договорных отношений, а именно в отсутствии в период с 09.02.2024 (дата, которой выписан ордер) до 13.02.2024 (дата заключения соглашения) надлежащим образом оформленного соглашения об оказании юридической помощи, его заключении более поздней датой.

Вместе с тем, учитывая, что поскольку в данном случае нарушение законных интересов доверителя было допущено непосредственно адвокатом М., и, как следствие, речь об их отстаивании перед органами государственной власти, третьими лицами и др. не идёт, Совет АП СПб полагает излишней квалификацию бездействия, совершённого адвокатом М., по подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и квалифицирует его по п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 8 КПЭА.

В то же время Совет АП СПб не соглашается с Квалифкомиссией в части оценки доводов заявителя К.Е.О. о заключении Соглашения об оказании юридической помощи № от 09.02.2024 «задним числом».

Текст указанного соглашения содержит ссылку на доверенность № , копия которой представлена в материалах дисциплинарного производства. Из содержания указанной доверенности следует, что она выдана 12.02.2024, следовательно, ссылка на неё в соглашении не могла быть приведена 09.02.2024, что свидетельствует о том, что в действительности Соглашение об оказании юридической помощи № от 09.02.2024 было составлено адвокатом М. постфактум.

Таким образом, доводы жалобы К.Е.О. о заключении адвокатом М. с доверителем соглашения № от 09.02.2024 более поздней датой заслуживают внимания и нашли своё подтверждение, следовательно, Совет АП СПб приходит к выводу о совершении адвокатом М. дисциплинарного проступка.

Относительно других дисциплинарных претензий, выдвинутых К.Е.О. в части ненадлежащего оформления договорных отношений, Совет АП СПб также соглашается с Квалифкомиссией в том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, поскольку доводы жалобы об оформлении соглашений об оказании юридической помощи от 22.02.2024, 01.03.2024, 25.03.2024 именно в дату 25.03.2024 заявителем надлежащими

достоверными доказательствами не подтверждены.

Совет АП СПб также соглашается с оценкой Квалифкомиссии в отношении доводов заявителя К.Е.О. о ненадлежащем оформлении договорных отношений с доверителем относительно перечисления адвокату денежных средств в размере 20 000 рублей.

Из письменных объяснений адвоката М., поступивших в АП СПб 05.02.2024, следует, что 07.02.2024 адвокат оказала К.Е.О. бесплатную устную консультацию, в ходе которой адвокат запросила у доверителя материалы уголовного дела для изучения. В тот же день на расчётный счёт адвоката поступило неоговорённое вознаграждение, платёж сопровождался комментарием «Ознакомление с материалами уголовного дела».

Адвокат М. пояснила, что указанная оплата была перечислена за оказанную доверителю устную консультацию, в свою очередь, К.Е.О. данные возражения опровергнуть не смогла.

Совет АП СПб критически относится к объяснениям адвоката М. о том, что вознаграждение в размере 20 000 рублей являлось неоговорённым, поскольку из переписки между адвокатом и К.Е.О. прямо следует, что 07.02.2024 М. подтверждает необходимость перечислить ей вознаграждение по номеру телефона на расчётный счёт, открытый в ПАО «Сбербанк», и указать в комментарии «ознакомление с материалами дела», после чего К.Е.О. осуществлён перевод денежных средств.

Вместе с тем Совет АП СПб не усматривает в данной части дисциплинарных претензий оснований для привлечения адвоката М. к дисциплинарной ответственности, полагая, что неоформление соглашения в рассматриваемой ситуации не требовалось ввиду следующего.

Решением «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований», утверждённым Советом АП СПб от 04.02.2020 (протокол № 1) (с изменениями на 29.03.2021) установлено, что письменная форма соглашения об оказании юридической помощи по разовому поручению в виде дачи устной консультации по правовым вопросам считается соблюденной при выдаче (направлении) доверителю квитанции либо иного документа, подтверждающих внесение денежных средств за соответствующую услугу в кассу адвокатского образования или их перечисление на расчётный счёт адвокатского образования, в том числе с использованием банковского Интернет-эквайринга.

Совет АП СПб разделяет позицию Квалифкомиссии о том, что при перечислении денежных средств доверителем на личный счёт адвоката, осуществляющего свою деятельность в адвокатском кабинете, для последующего их перевода на счёт адвокатского образования выдачи квитанции не требуется, поскольку такое перечисление денежных средств может быть подтверждено любой из сторон банковского перевода самостоятельно путём представления банковской выписки.

Указание в назначении платежа «ознакомление с материалами дела» не опровергает объяснения адвоката М. о том, что полученные ею денежные средства являлись оплатой за устную консультацию, поскольку консультация по правовым вопросам, в том числе связанная с уголовным правом и обстоятельствами конкретного дела, может предполагать необходимость изучения адвокатом процессуальных документов и доказательств, имеющих в распоряжении доверителя.

С учётом приведённого решения Совета АП СПб адвокатом М. в указанной части не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, поскольку письменная форма соглашения об оказании юридической помощи по разовому поручению в виде дачи устной консультации не требовалась, так как

денежные средства были перечислены К.Е.О. на расчётный счёт адвоката М., осуществляющей свою адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете.

Примечательно, что М. эти денежные средства также были оприходованы в адвокатском образовании, что также косвенно подтверждает объяснения адвоката М., в данном случае добросовестно исполнившей возложенные на неё обязанности.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб, руководствуясь содержанием подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, приходит к выводу о необходимости **прекращения дисциплинарного производства** в указанной части дисциплинарных претензий вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

2. Относительно доводов жалобы о нарушении финансовой дисциплины, выраженной в нарушении порядка приёма денежных средств от доверителя, а именно невыдаче доверителю финансового документа по проведению операции с его средствами в порядке, установленном законодательством.

Квалифкомиссией в заключении от 26.09.2024 установлено, что 25.03.2024 между К.Е.О. и адвокатом М. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № , а вознаграждение адвоката по указанному соглашению было передано доверителем наличными денежными средствами в размере 20 000 рублей, что подтверждается соответствующей записью о получении указанных денежных средств и адвокатом не оспаривается.

Адвокат М. обязанность по выдаче доверителю документа, подтверждающего оплату вознаграждения, не исполнила.

Согласно п. 6 Решения Совета АП СПб, утверждённого 04.02.2020 (протокол №1) с изменениями от 29.03.2021 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований» установлено, что выплата доверителем обусловленного соглашением вознаграждения (гонорара) за оказание юридической помощи, равно как и выплата компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, производится самим доверителем (уполномоченным им лицом) либо путём внесения наличных денежных средств в кассу адвокатского образования, либо путём перечисления соответствующих сумм на счёт адвокатского образования. Осуществление расчётов между адвокатом и доверителем в каких-либо иных формах Законом об адвокатуре не допускается. При внесении доверителем наличных средств в кассу адвокатского образования оформление кассовых операций в адвокатских образованиях производится по приходным кассовым ордерам (форма «КО-1») с выдачей квитанции к приходному кассовому ордеру, подтверждающей приём наличных денег.

Оформление приёма наличных средств в адвокатских образованиях может производиться также по квитанциям в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 №359 «О порядке осуществления наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники».

Внесение адвокатом в кассу адвокатского образования денежных средств доверителя (уполномоченного им лица) оформляется от имени доверителя; квитанция, подтверждающая приём наличных денег, выдаётся адвокату, который обязан передать её доверителю (уполномоченному им лицу).

Как было отмечено выше, адвокат М. не выдала К.Е.О. квитанцию, подтверждающую получение ею наличных денежных средств в размере 20 000 рублей, а

также приходный кассовый ордер, подтверждающий внесение денежных средств на счёт адвокатского образования.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией усматривает в бездействии адвоката М. нарушение финансовой дисциплины в связи с невыдачей доверителю документа, подтверждающего оплату вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи № от 25.03.2024, однако полагает необходимым квалифицировать её бездействие иным образом ввиду нижеследующего.

Во-первых, Квалифкомиссия усматривает в действиях (бездействии) адвоката М. нарушение п. 6 ст. 25 Закона об адвокатуре, согласно которому вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчётный счёт адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В силу п. 4 ст. 23 КПЭА, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается. Из приведённой нормы следует, что иные выявленные в ходе дисциплинарного разбирательства нарушения квалификационной комиссией не рассматриваются. При этом отсутствие в заключении квалификационной комиссии оценки нарушений, не указанных в жалобе и выявленных в ходе разбирательства, не препятствует новому сообщению в адвокатскую палату, содержащему указание на такие нарушения, в том числе в виде новой жалобы доверителя адвоката, представления вице-президента адвокатской палаты или уполномоченного в области адвокатуры органа государственной власти (п. 9 Рекомендаций по рассмотрению дисциплинарных дел в отношении адвокатов, утверждённых решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – Совет ФПА РФ) от 15.12.2022 (протокол № 18), с изменениями и дополнениями, утверждёнными решениями Совета ФПА РФ от 14.02.2024 (протокол № 11), от 23.01.2025 (протокол № 20)).

Вместе с тем жалоба К.Е.О. не содержит дисциплинарных обвинений о невнесении адвокатом М. денежных средств в кассу или на расчётный счёт адвокатского образования, а её претензии сводятся к непередаче ей адвокатом документа, подтверждающего приём наличных денег.

При этом в своём заключении Квалифкомиссия, приходя к выводу о том, что нарушение выразилось в том, что адвокат М. не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами в порядке, установленном законодательством, прямо указывает, что «не оценивает действия (бездействия) адвоката по исполнению обязанности адвоката внести денежные средства в кассу или на расчётный счёт адвокатского образования», вместе с тем ошибочно дополнительно квалифицирует выявленное дисциплинарное нарушение по п. 6 ст. 25 Закона об адвокатуре, с чем Совет АП СПб согласиться не может, поскольку такая квалификация представляет собой ничто иное как выход за пределы повода для возбуждения соответствующего дисциплинарного производства.

Во-вторых, приходя к выводу о нарушении адвокатом М. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Квалифкомиссия также квалифицирует её бездействие по п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре.

Совет АП полагает, что в данной части заключение содержит техническую ошибку (опisku) и в действительности Квалифкомиссией применена норма п. 1 ст. 8 КПЭА, о чём свидетельствует ссылка на неё двумя абзацами выше. В любом случае очевидно, что ссылка на п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре, регулирующий вопросы адвокатской тайны,

представляется нерелевантной.

В-третьих, Квалифкомиссия усматривает в действиях (бездействии) адвоката М. нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, согласно которому адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством Российской Федерации средствами.

Учитывая, что поскольку в данном случае нарушение законных интересов доверителя было допущено непосредственно адвокатом М., и, как следствие, речь об их отстаивании перед органами государственной власти, третьими лицами и др. не идёт, Совет АП СПб полагает излишней квалификацию бездействия, совершённого адвокатом М., по подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и квалифицирует его по п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 КПЭА во взаимосвязи с п. 6 Решения Совета АП СПб, утверждённого 04.02.2020 (протокол №1) с изменениями от 29.03.2021 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований».

3. Относительно доводов жалобы о неисполнении адвокатом поручений доверителя по соглашениям об оказании юридической помощи.

Из заключения Квалифкомиссии от 26.09.2024 следует, что адвокатом в полном объёме исполнены поручения по соглашениям об оказании юридической помощи № от 09.02.2024, № от 13.02.2024, от 22.02.2024, от 01.03.2024, а именно адвокат М.:

- составила заявление о преступлении в отношении П.Д.С., подтверждается, в том числе ответом СУ СК России по Волгоградской области от 18.03.2024 № ;

- защищала права доверителя в СУ СК России по Волгоградской области по уголовному делу на предварительном следствии, что не оспаривается К.Е.О.;

- представляла интересы К.Е.О. при производстве клинико-пато-психологического исследования специалистом АНО «Санкт-Петербургский институт независимой экспертизы и оценки» Беловым В.Г., что подтверждается письмом Президента АНО «Санкт-Петербургский институт независимой экспертизы и оценки» от 12.09.2024;

- составила заявления об угрозах и о предоставлении государственной защиты в СУ СК РФ по Волгоградской области и в 5 отдел полиции УМВД России по Фрунзенскому району Санкт-Петербурга, что не оспаривается К.Е.О.

В указанной части Совет АП СПб соглашается с выводами Квалифкомиссии, поскольку исполнение поручений адвокатом М. подтверждается материалами дисциплинарного производства.

Кроме того, Квалифкомиссией дана верная оценка дисциплинарным претензиям К.Е.О. о бездействии адвоката М., выраженном в непринесении жалобы на отказ следователя в применении мер государственной защиты в отношении К.Е.О., поскольку вопреки претензиям подателя жалобы, адвокат не принимал на себя обязательств по обжалованию отказа в предоставлении государственной защиты, в предмет поручения по какому-либо из заключённых между адвокатом и заявителем соглашений данная обязанность не входит.

Вместе с тем Совет АП СПб не может согласиться с заключением Квалифкомиссии о неисполнении адвокатом Соглашения об оказании юридической помощи № от 25.03.2024 по следующим основаниям.

В соответствии с условиями Соглашения об оказании юридической помощи № от 25.03.2024 адвокат М. приняла к исполнению поручение К.Е.О. об оказании ей квалифицированной юридической помощи при составлении жалобы в порядке ст. 124

УПК РФ на отказ в заявлении о преступлении по ст.ст. 133, 134, 135, 150 УК РФ в отношении П.Д.С. (п.1.1 Соглашения).

Признавая презумпцию адвоката М. опровергнутой в указанной части дисциплинарных претензий, а её умышленную вину в неисполнении профессиональных обязанностей перед доверителем установленной, Квалифкомиссия исходила из того, что сведений об исполнении соглашения материалы дисциплинарного производства не содержат, адвокатом М. они не представлены.

Из письменных объяснений адвоката М. следует, что 26.03.2024, то есть на следующий день после заключения соглашения, ею было сообщено доверителю о преждевременном обжаловании отказа в рассмотрении заявления о преступлении постольку, поскольку К.Е.О. необходимо сначала дать объяснения по заявлению о преступлении, после чего получить результат рассмотрения данного обращения следователем. Более того, адвокат М. утверждает, что следователем была возбуждена проверка по заявлению доверителя.

При этом гонорар, уплаченный К.Е.О. по Соглашению об оказании юридической помощи № от 25.03.2024, был возвращён адвокатом М., что непосредственно подтверждается заявителем в тексте жалобы от 23.04.2024.

Согласно п. 1 ст. 23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Разрешая дисциплинарное производство в данной части, Квалифкомиссия неверно распределила бремя доказывания между участниками дисциплинарного производства, не приняв во внимание принцип *factum negantis nulla probatio* (отрицание факта не требует доказательств), поскольку нет никаких признаков у того, что не существует (*nullius nulla sunt praedicata*).

Указанное означает, что сторона, утверждающая о наличии какого-либо факта, должна его доказать, а сторона, отрицающая этот факт, не обязана предоставлять доказательства его отсутствия.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о вынесении должностным лицом следственного органа отказа в регистрации заявления о преступлении, равно как и сведений о вынесении следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по данному заявлению, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что указанные обстоятельства (наличие предмета обжалования) подлежат доказыванию заявителем К.Е.О., чего ею сделано не было.

На основании вышеизложенного, Совет АП СПб полагает, что у адвоката М. не могло возникнуть обязательств по исполнению поручения доверителя К.Е.О. по Соглашению об оказании юридической помощи № от 25.03.2024, выраженного в составлении жалобы в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ, на действия (бездействие) или решения следователя, ввиду отсутствия предмета обжалования, следовательно, адвокат М. не отказывалась от исполнения условий соглашения и не самоустранилась от обязанности отстаивать права и законные интересы доверителя, а не могла исполнить поручение доверителя по объективной причине.

Указанные обстоятельства Квалифкомиссией проигнорированы, им не была дана надлежащая правовая оценка, в результате чего Квалифкомиссия пришла к ошибочному выводу о наличии в бездействии адвоката М. дисциплинарного проступка.

При таких обстоятельствах в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. неопровергнутой, а дисциплинарное производство в указанной части дисциплинарных претензий – **подлежащим прекращению** на основании подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

4. Относительно доводов жалобы об отказе адвоката М. заключить с К.Е.О. соглашение на её защиту в суде и представлять 16.04.2024 интересы при её опросе следователем ГСУ СК по Невскому району Санкт-Петербурга по поручению следователя следственного отдела, входящего в структуру СК России по Волгоградской области.

В соответствии со ст. 25 Закона об адвокатуре основанием оказания адвокатом юридической помощи доверителю является соглашение об оказании юридической помощи.

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, а его участниками не оспариваются фактические обстоятельства, связанные с отказом адвоката М. заключить соглашение с К.Е.О. на защиту её прав на стадии судебного следствия.

В Российской Федерации уголовное судопроизводство осуществляется стадийно (досудебное и судебное производство).

Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого (подп. 6 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре).

В заключении Квалифкомиссией верно отмечено, что данные требования закона также нашли отражение в п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 20.04.2017 VIII Всероссийским съездом адвокатов, согласно которому адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии ФПА по этике и стандартам, утверждёнными Советом ФПА.

Согласно п. 2 ст. 13 КПЭА адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда. Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции.

Иными словами, редакция указанной нормы КПЭА позволяет адвокату заключать соглашение отдельно на стадии – как предварительного следствия, так и судебного разбирательства, однако при этом не предполагают возможность адвокату без объяснения причин отказаться от защиты доверителя в суде после исполнения поручения о защите на стадии предварительного следствия.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что отказ адвоката М. заключить соглашение на защиту К.Е.О. в суде первой инстанции был продиктован уважительными причинами, а именно тем, что уголовное дело рассматривается судом в другом субъекте Российской Федерации, что предполагало большое количество командировок, а также ставило бы под угрозу исполнение адвокатом обязательств перед

другими доверителями.

Признавая указанные выше причины уважительными, Совет АП СПб принимает во внимание положения п. 3 ст. 10 КПЭА, согласно которому адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения.

В свою очередь утверждение К.Е.О. об отказе адвоката М. представлять её интересы при опросе следователем ГСУ СК по Невскому району Санкт-Петербурга, то оно также не может служить основанием привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку адвокат не принимала такого поручения доверителя, соглашения об оказании юридической помощи не заключала, сведений о том, что данный допрос относится к уголовному делу, расследуемому СК по Волгоградской области, где защиту подателя жалобы осуществляет адвокат, материалы дела не содержат.

При таких обстоятельствах в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката М. в указанной части дисциплинарных претензий вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

5. Относительно доводов заявителя о разглашении адвокатом М. сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Квалифкомиссией установлено, что к жалобе К.Е.О. приложены только скриншоты переписки доверителя, из которых невозможно определить какие сведения были разглашены и в отношении какого доверителя поступают угрозы адвокату и доверителю.

В то же время Квалифкомиссия, изучив видеозапись по ссылке: (ссылка) (далее – видеозапись), указывает на то, что по указанному URL-адресу размещена видеозапись, на которой изображены адвокат М. совместно с Т.Д.Е., которые сообщают о поступающих в их адрес угрозах в связи с осуществлением адвокатом защиты несовершеннолетнего доверителя.

Квалифкомиссия обращает внимание на то, что адвокат М. в своём выступлении ссылается, хотя и не называя ни имени, ни фамилии своего несовершеннолетнего доверителя, отмечает круг иных несовершеннолетних лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, детали уголовного дела, называет фамилию организатора преступлений П.Д.С.

Данные обстоятельства, по мнению Квалифкомиссии, свидетельствуют о том, что эти сведения относятся к конфиденциальной информации по уголовному делу, одной из обвиняемых по которому является К.Е.О., и являются адвокатской тайной, принадлежащей доверителю, однако доказательств получения письменного согласия К.Е.О. на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, материалы дисциплинарного производства не содержат.

Совет АП СПб не может согласиться с выводами Квалифкомиссии, содержащимися в заключении от 26.09.2024, по следующим основаниям.

Согласно ст. 8 Закона об адвокатуре адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Необходимой составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи являются гарантии конфиденциальности отношений адвоката с доверителем – сохранение адвокатской тайны. Доверитель может свободно сообщать адвокату сведения,

которые не сообщил бы другим лицам, и рассчитывать на сохранение их конфиденциальности.

Адвокатская тайна представляет собой правовой режим, в рамках которого осуществляется запрет на получение и использование третьими лицами персональной информации доверителя, находящейся у адвоката в связи с оказанием ему правовой помощи, а также использование этой информации адвокатом в нарушение целей своей профессиональной деятельности. Правомерность использования персональной информации обеспечивается соблюдением конфиденциальности и обусловлена профессиональной деятельностью адвоката, в том числе связанной с участием в судопроизводстве (решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2013 № АКПИ13-43).

В силу п. 5 ст. 6 КПЭА к предмету (содержанию) профессиональной тайны адвоката относятся:

- факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей;
- все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу;
- сведения, полученные адвокатом от доверителей и документы, если они входят в производство по делу;
- информация о доверителе, ставшая известной адвокату в процессе оказания юридической помощи;
- содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных;
- адвокатское производство по делу;
- условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем;
- любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Адвокат М., оказывая юридическую помощь К.Е.О., безусловно стала носителем сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, без уверенности в сохранении которой невозможно обеспечить иммунитет доверителя, предоставленный последней Конституцией Российской Федерации.

Из содержания видеозаписи следует, что выступление адвоката М. посвящено вопиющим фактам противоправного давления, оказанного на неё в связи с осуществлением ею профессиональной деятельности, которое выражалось в угрозах убийством и уничтожением принадлежащего ей имущества, сопровождавшихся фактами слежки.

Указанные обстоятельства послужили основанием для возбуждения уголовного дела в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 296 УК РФ (угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования), в рамках которого адвокат М. была признана потерпевшей.

При этом в своём выступлении адвокат М. не называла ни имени, ни фамилии доверителя К.Е.О., равно как не сообщала иных сведений, которые могли бы позволить идентифицировать её доверителя стороннему наблюдателю.

Совет АП СПб приходит к выводу о том, что пересказ адвокатом М. некоторых обстоятельств уголовного дела, в котором она принимала участие в качестве защитника, и в связи с чем подверглась преследованию, не нарушил режим адвокатской тайны.

Суть адвокатской тайны состоит в ограничении доступа к конфиденциальной информации с целью предотвращения возможных негативных для доверителя последствий.

Разглашением может считаться только передача сведений, которая прямо или косвенно позволяет установить личность доверителя или обстоятельства его дела.

Информация, которую сообщала на видеозаписи М., была обезличена, пересказ адвокатом М. обстоятельств уголовного дела носил настолько обобщенный характер, насколько это было необходимо для того, чтобы избежать идентификации личности доверителя, уголовного дела в отношении неё или разглашения каких-либо иных конфиденциальных данных.

Размышляя о пределах ограничения адвокатской тайны, Совет АП СПб полагает, что абсолютный запрет пересказывать в обезличенной форме обстоятельства дел, в которых принимают участие адвокаты, по сути означал бы запрет разбирать примеры из адвокатской практики для анализа правовых позиций или осуществления обучения и повышения квалификации адвокатов, что оказало бы адвокатскому сообществу плохую услугу.

Изучив содержание видеозаписи, Совет АП СПб по вышеуказанным основаниям в конкретном случае не усматривает в действиях адвоката М. разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну, а доказательства, подтверждающие выдвинутые дисциплинарные обвинения, не представлены.

При таких обстоятельствах в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией и на основании подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката М. вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

6. В оставшихся доводах о разглашении адвокатом адвокатской тайны бывшему мужу М.А.В., А.В., оскорблениях адвокатом доверителя, прослушивании телефонных разговоров доверителя, требованиях от доверителя дать показания, фамильярных отношениях с доверителем, навязывании услуг, непредставлении материалов уголовного дела, Совет АП СПб полностью разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом М. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА, признаёт их убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

В данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, также принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката М. вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату М. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает его умышленный характер, но не признаёт его тяжкими, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката М. действующих дисциплинарных взысканий.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб считает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в действиях (бездействии) адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов наличие нарушения взаимосвязанных требований

- 1) подпунктов 1 и 2 пункта 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подпункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката Кодекса профессиональной этики адвоката;
- 2) подпункта 1 статьи 8, пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пунктом 6 Решения Совета АП СПб, утверждённого 04.02.2020 (протокол №1) с изменениями от 29.03.2021 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований».

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.